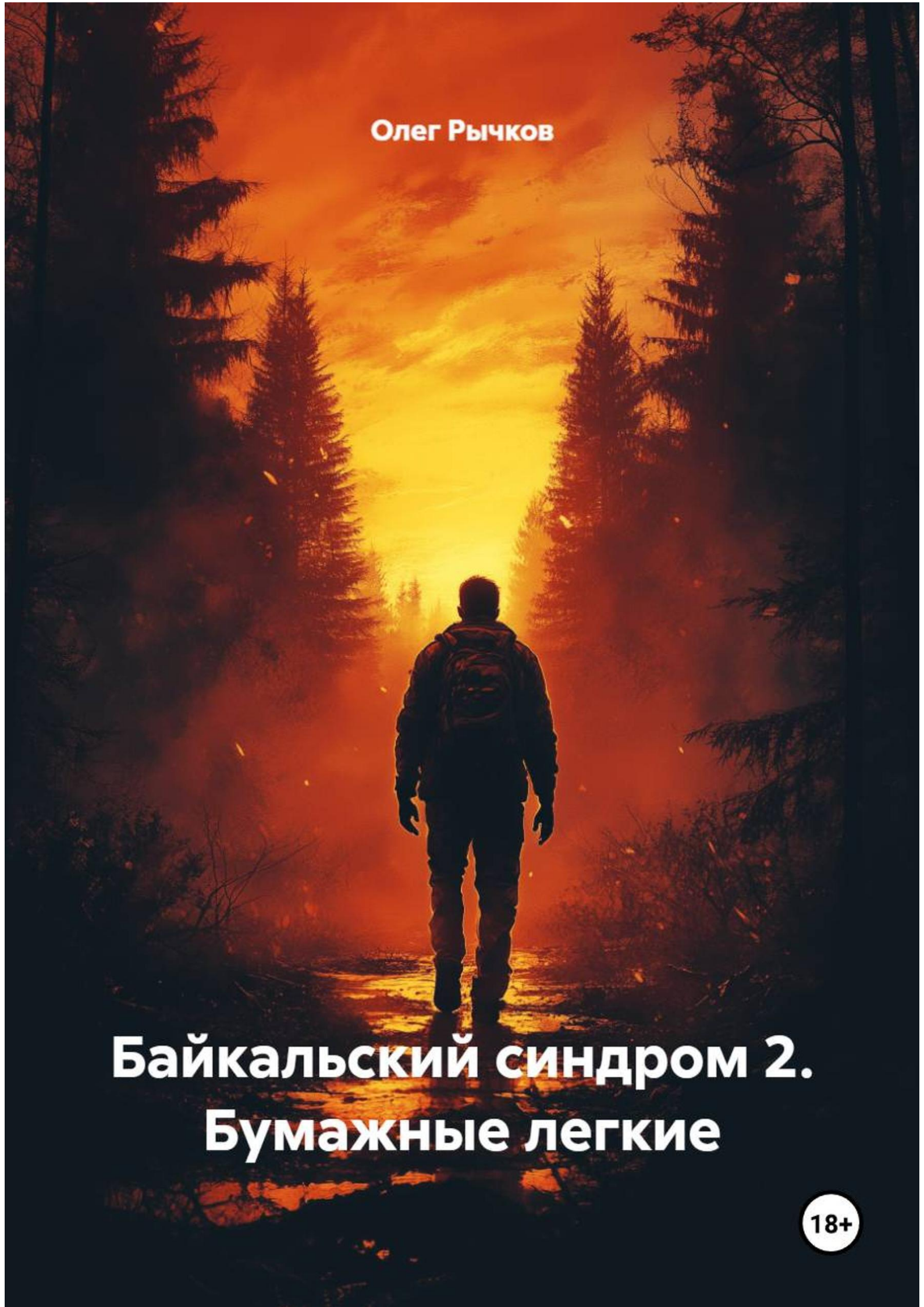

Олег Рычков
Байкальский синдром 2.
Бумажные легкие
18+

Байкальский синдром

Олег Рычков

Байкальский синдром
2. Бумажные легкие

«Автор»
2026

Рычков О.

Байкальский синдром 2. Бумажные легкие / О. Рычков — «Автор», 2026 — (Байкальский синдром)

Виктор Дуров бежит от воспоминаний в Воронеж, но три года спустя получает письмо от мертвой жены. Елена умерла от рака легких, и Виктор сам оборвал её агонию инъекцией морфина. Теперь бумажная пыль токсичного Байкальска зовет его назад — в город, который убил её легкие.Чтобы избавиться от чувства вины за «милосердное» предательство, Виктор должен пройти по местам своего эгоизма: через гниющие гаражи, где он прятался от запаха болезни, и пустую квартиру, где украл у неё последние вздохи. Город выстроил персональный ад из целлюлозы, и ингаляторий санатория «Чайка» ждет свою главную дозу.

© Рычков О., 2026
© Автор, 2026

Олег Рычков
Байкальский синдром 2. Бумажные легкие

Байкальский синдром 2
Бумажные легкие

Глава 1. Кафе "У Роуз"

Пластиковая столешница липла к локтям. Виктор сдвинул руку на полсантиметра влево — ровно настолько он позже будет ерзать за рулем, когда пепел забьет дворники, — но ощущение холодной испарины чужого кофе осталось — красный искусственный материал впитал в себя запахи сотен посетителей, и теперь отдавал их обратно при малейшем прикосновении. В кафе «У Роуз» пахло пережаренными зёрнами, дешёвым молоком и той едкой дезинфекцией, которой в больницах моют полы после ночных обходов. За окном ноябрьский ветер гнал по трассе сухую позёмку из древесной пыли — Байкальск уже дышал им в спину, хотя до КПП оставалось ещё сорок километров по карте, и ещё бесконечность по ощущениям.

Он сидел здесь уже второй час. Кофе остыл до комнатной температуры, жирная плёнка на поверхности затянулась мелкими пузырьками. Виктор смотрел на неё, как заворожённый, и думал о том, что Елена любила пить кофе с корицей даже тогда, когда врачи запретили ей всё кроме воды. Она тайком просила его приносить маленькие пакетики с корицей из дома и сыпала их в чай, чтобы обмануть себя, что жизнь ещё нормальная. Он тогда смеялся. Сейчас смешного не было ничего.

Он перевернул письмо. Тонкий конверт без обратного адреса, бумага пожелтела так, словно пролежала в сырости полгода, хотя Виктор точно помнил, что получил его сегодня утром — он выпал из почтового ящика вместе с рекламой пластиковых окон. Почерк Елены он узнал бы даже сквозь слой копоти и через закрытые глаза. Эти крупные, чуть наклонённые вправо буквы с недописанными хвостиками «р» и «у» — она всегда торопилась, вечно боялась не успеть, даже когда бояться было уже нечего. Текст плыл перед глазами,перестраиваясь в новые слова, как вода перестраивает русло, когда её много.

«Витя, приезжай. Здесь тихо. Я жду».

Первое прочтение — приглашение. Голос из прошлого, мягкий, с лёгкой хрипотцой, которая появлялась у Елены по утрам, до того как болезнь съела её лёгкие. Виктор зажмурился и снова открыл глаза. Буквы расплылись, и теперь на жёлтом прямоугольнике чётко, ровными рядами, как в медицинской карте, выстроился другой текст:

«Пациент Д-451. Причина поступления: терминальная стадия интерстициального фиброза. Рентгенография органов грудной клетки: диффузное затемнение лёгочных полей по типу "матового стекла", прогрессирующее замещение паренхимы соединительной тканью. Сатурация кислорода — 82%. Прогноз — неблагоприятный».

Буквы выстроились ровными рядами, пробитые типографской краской насквозь, словно рентгеновские снимки, положенные на световую панель.

Виктор сжал листок в кулаке. Бумага хрустнула влажно, как живое горло — ему показалось, что он услышал хрип, тот самый, который преследовал его по ночам даже после того, как он уехал из Байкальска. Он разжал пальцы. Письмо снова лежало ровным прямоугольником на красном пластике, но текст изменился в третий раз. Теперь буквы были жирными, почти чёрными от типографской краски, и они складывались в одну единственную фразу, которую он произнёс сам два года назад, сидя на краю больничной койки.

«Я просто хочу, чтобы ты перестала мучиться».

Его собственная голосовая запись. Он помнил каждую интонацию — старался звучать спокойно, но голос срывался на шепот в конце, потому что подушка уже была в руках, и она,

Елена, не сопротивлялась. Она просто закрыла глаза и кивнула. Один короткий кивок. Разрешение. Или покорность? Он до сих пор не знал. И город, куда он сейчас ехал, должен был дать ответ, хотя ответ этот убивал.

Виктор перечитал письмо в четвёртый раз. Оно снова стало приглашением, как будто предыдущие три варианта были галлюцинацией. Но он знал — они не были. Они были предупреждением. Город Байкальск уже начал свой разговор с ним, просто на расстоянии, через этот клочок бумаги.

Официантка подошла к столику. Её бейджик болтался на цепочке с изображением увядшей розы. Анна. Лицо гладкое, пустое, с идеально накрашенными губами — кричаще-красными, слишком яркими для полупустого кафе в четырёх часах езды от ближайшего города. Идеальная маска для человека, которому нет дела до того, почему мужчина в чистой, но уже помятой рубашке сидит здесь уже два часа, сжимая в кармане куртки пустой шприц с остатками морфия — последнее, что осталось от аптечки Елены.

— Ваш остыл, — кивнула она на кружку. — Выкинуть?

Её голос звучал как магнитофонная запись, прокрученная на удвоенной скорости. Виктор поднял на неё глаза. Анна улыбнулась — той дежурной улыбкой, которая не касается уголков глаз. Он заметил, что её форма сидит на ней неестественно ровно, как на манекене, а нагрудный карман приколот булавкой с головой мёртвой мухи.

— Оставь, — буркнул Виктор. — Я ещё допью.

Она кивнула и отошла, но Виктор не сводил с неё глаз. В её походке не было плавности, шаги были слишком механическими, будто она переставляла ноги строго по миллиметровой разметке на полу. Он перевёл взгляд на других посетителей. У дальней стены сидел старик в пыльном пальто и читал газету, которую держал вверх ногами. За соседним столиком молодая пара обменивалась фразами, но их рты не двигались — звуки исходили откуда-то из-под стола, как от старого радиоприёмника. Кафе не было реальным. Или, что страшнее, оно было таким же реальным, как всё остальное, просто Виктор начал видеть его истинное лицо.

Он полез в карман за сигаретами, но пальцы наткнулись на шприц. Колпачок был плотно надет, но он чувствовал через пластик ту вязкую жидкость, которая осталась внутри. Морфий. Елена ненавидела его действие. Говорила, что он превращает мир в акварельную мазню, где границы между снами и явью стираются окончательно. Но именно тогда, в тумане наркотического забытья, она чаще всего просила его об одном и том же.

«Витя, не бросай меня здесь. Если не сможешь смотреть — уйди. Но не оставляй меня в этой комнате одну.»

Он ушёл. Он сбежал, когда ей оставалось жить меньше месяца. Сказал врачам, что не выносит больничных стен, снял квартиру в соседнем районе, но ни разу не набрал её номер. А потом она написала ему письмо. Настоящее, бумажное, которое пришло по почте через три дня после её смерти. В том письме не было упрёков. Только одно слово: «Прощаю». И ещё приписка мелким почерком: «Ты сделал это из любви, я знаю».

Но если так, почему он сейчас ехал в Байкальск, туда, где она умерла, где её похоронили, где город превратился в зону отчуждения, потому что экологи закрыли целлюлозно-бумажный комбинат, и воздух стал ядовитым, и люди разъехались, оставив дома на милость пепла и древесной взвеси? Почему он не успокоился на этом прощении, а искал новое, другое, которое он сам должен был себе дать?

Трое вошли через главную дверь одновременно. Без стука, без скрипа — колокольчик над дверью даже не звякнул. Их движения были синхронизированы до миллиметра, как у механических кукол, которых дёргают за одни и те же нити. Серые плащи до колен, одинаковые чёрные ботинки, одинаковые кейсы из тёмного пластика с тускло светящимися биометрическими замками на боковых панелях. Они не смотрели на Виктора. Они вообще ни на что не смотрели

— их взгляды упирались в одну точку примерно в полуметре перед собой, ровно на уровне груди каждого посетителя, словно они считывали невидимые штрих-коды на одежде.

Первый из них — тот, что шёл в центре, — остановился у стойки. Его плащ не колыхался, хотя дверь всё ещё была открыта, и с улицы врывался холодный ветер с пеплом. Он поставил кейс на барную стойку и нажал на замок. Замок пискнул дважды, утвердительно.

— Проверка, — сказал он голосом без интонаций. — Санитарная зона.

Официантка Анна побледнела. Её рука, протянутая к стакану, застыла в воздухе, и Виктор увидел, как мелко дрожат её пальцы. Она знала этих людей. Или знала, что они означают.

Второй прошёл мимо столика Виктора. Он двигался медленно, будто проверял каждый квадратный сантиметр пола подошвой. На мгновение его рукав плаща задел скомканное письмо, лежащее на столе. Ткань прошла сквозь бумагу, не встретив сопротивления, и обдала Виктора запахом мокрого картона и формалина — тем запахом, который он вдыхал в больничной палате каждый день по шесть часов, сидя у койки Елены. Воздух вокруг плаща загустел, как желе, выжимая остатки кислорода из кафетерия.

Он инстинктивно втянул голову в плечи. Второй остановился, не оборачиваясь, и произнес ровно на той же частоте, что и первый:

— Объект на четвёртой позиции. Идентификация: Виктор Дуров, 1978 года рождения. Код вины — семьдесят четыре.

Третий стоял у выхода, перекрывая дверь. Его кейс был открыт — Виктор мельком увидел внутри что-то похожее на старые картонные папки и связку ключей, но вместо металла ключи были сделаны из обожжённой кости. Третий не произнёс ни слова. Он просто смотрел на Виктора, и в этом взгляде не было угрозы — было ожидание. Как будто он знал, что Виктор побежит, и хотел проверить, куда именно.

Рация на поясе у Анны внезапно зашипела. Она машинально нажала кнопку приёма, поднесла динамик к уху. Из крошечного репродуктора вырвался звук — тяжёлый, астматический вдох, переходящий в булькающий свист, как вода в трубах, когда воздух смешивается с гноем. Это был Елену голос, но не её обычный голос — тот, которым она смеялась, когда они шли по набережной, или тем, которым шептала ему на ухо ночью. Это был голос человека, который задыхается, потому что его лёгкие больше не расправляются.

Виктор знал этот звук. Он слышал его каждую ночь в течение последних трёх месяцев её жизни. Он просыпался от этого хрипа в два часа ночи, шёл на кухню за стаканом воды, а потом возвращался и слушал, как Елена борется за каждый глоток воздуха. Иногда он задерживал собственное дыхание, чтобы быть с ней в этом ритме. Иногда он притворялся спящим.

Звук длился ровно двенадцать секунд. Потом резко оборвался, как будто кто-то перекрыл кислородный шланг. В кафе наступила тишина — такая, что было слышно, как старик за дальним столиком перелистывает страницу своей перевёрнутой газеты.

Анна опустила рацию. Её руки дрожали, помада на губах размазалась от того, что она прикусила нижнюю губу. Она посмотрела на Виктора, но в её глазах не было узнавания — был только животный страх, какой бывает у животных, когда они чувствуют запах хищника.

Трое в плащах развернулись одновременно. Теперь их взгляды сошлись на Викторе. Биометрические замки на их кейсах щёлкнули разом, издав тихое пневматическое шипение, похожее на выдох умирающего.

Виктор понял: они здесь не ради кафе. Они здесь ради него.

Он не стал дожидаться, что появится из открытых кейсов. Мысль сработала быстрее рефлекса — он бросил на стол смятую купюру, схватил куртку со спинки стула и метнулся в сторону, туда, где за стойкой виднелась дверь с потёртой табличкой «Служебный вход». Он ударил в неё плечом, не разбирая, закрыта она или нет, и та поддалась, как будто была сделана не из дерева, а из плотного картона. Звонок над дверью издал короткий, режущий слух писк — такой же, какой издавали мониторы в реанимации перед остановкой сердца.

Виктор вывалился на улицу. Ночной воздух ударил по лёгким кислотой. Вместо привычного запаха сырой земли и увядших листьев он вдохнул смесь хлорки, формалина и старой бумаги. С неба не падал дождь, как обещал утренний прогноз, — падала мелкая древесная взвесь. Она оседала на волосах белым налетом хлорной извести, а каждый вдох царапал трахею микрочастицами неразложившейся целлюлозы.

Виктор закашлялся. Сначала глухо, из груди, потом надрывно, сгибаясь пополам, упираясь руками в колени. Кашель был сухим и жёстким, как скрежет ржавых ножниц по бумаге. В горле появился привкус железа и старых газет, как будто он разжевал печатный лист с некрологом. Он сплюнул на асфальт — слюна была серой, с черными вкраплениями.

Первый приступ «бумажной болезни» всегда начинался с паники. Сердце колотилось о рёбра, пытаясь пробить дорогу наружу, лёгкие отказывались расправляться полностью, каждый вдох царапал трахею изнутри сотнями микроскопических лезвий. Он помнил, как Елена описывала это ощущение — «будто я глотаю измельчённую наждачную бумагу». Тогда он не мог понять, она преувеличивает или нет. Теперь он знал: она не преувеличила ни на йоту.

Он поднял голову. Метрах в двадцати, за серой пеленой, фары его «Лады Весты» разрезали тусклую мглу — две оранжевые точки, которые отчаянно пытались осветить реальность, но только подсвечивали кружащиеся хлопья пепла. Дворники работали вхолостую, оставляя грязные вертикальные полосы, которые складывались в призрачный силуэт женщины, прижимающей ладони к стеклу изнутри. Видимость была нулевая — он не видел трассы, не видел столбов, не видел даже собственных ног, потому что пепел поднимался от земли и окутывал всё до колена.

Из-за спины донёсся звук шагов. Трое вышли из кафе. Они не спешили, не бежали — они просто шли, переставляя ноги с той же механической точностью, что и внутри. Виктор слышал, как их ботинки хрустят по пепельному покрытию, и этот хруст напоминал звук перемалываемых костей.

Он нащупал в кармане холодный металл. Шприц. Единственная инъекция морфия, которая осталась от лечения Елены. Она хранилась в аптечке на заднем сиденье, но он переложил её в карман перед выездом, сам не зная зачем. Теперь он знал. Один кубик снимет спазм, расширит бронхи, вернёт миру цвета, позволит ему дышать. Но вместе с кислородом в кровь пойдёт вязкая теплота галлюцинаций, и он перестанет отличать реальных монстров от порождений собственной вины.

Шаги приближались. Виктор слышал, как первый из них достаёт что-то из кейса — металлический звон, похожий на заточку скальпеля.

Он рванул рукав рубашки вверх. Пальцы нащупали набухшую вену на сгибе локтя. Игла вошла со стеклянным скрипом. Он нажал на поршень до упора. Жидкость пошла туго, окрашиваясь в алый от подступившей крови.

Мир дернулся.

Сначала в глазах потемнело, потом вспыхнуло ослепительной белизной, как будто он на секунду заглянул в работающую дуговую сварку. Цвета инвертировались: чёрный асфальт стал молочно-белым, серый туман налился густым, пульсирующим багрянцем, а оранжевые фары машины превратились в два синих солнца, которые вращались вокруг своей оси. Боль в груди отступила, сменившись звенящей лёгкостью — воздух вдруг стал прозрачным и холодным, как родниковая вода, и Виктор вдохнул его полной грудью, чувствуя, как каждый бронх наполняется живительным кислородом.

Но вместе с лёгкостью пришли и другие ощущения. Он обернулся. Трое в плащах всё ещё стояли у кафе, но теперь их кейсы были открыты, и оттуда выползали серые тени, похожие на мокрые простыни, и они ползли по земле, оставляя за собой мокрые следы. Один из них начал расти, принимая очертания фигуры — высокой, сутулой, с головой, замотанной в газету.

Архивариус. Тот самый, о котором писалось в его собственных записках, которые он делал по дороге, сам не зная для чего.

Но он знал: в этом мире морфия они реальны. И они не тронут его, пока он не остановится.

Виктор рванул к машине. Ноги не слушались, ступали по инвертированному асфальту, как по зыбкому песку, но он бежал, сжимая ключи в кулаке так, что они впились в ладонь. Он открыл дверь, упал на водительское сиденье, захлопнул её за собой. Замок щёлкнул с глухим металлическим стуком, который в этом искажённом мире звучал как церковный колокол.

Он завёл мотор. Двигатель взревел, но звук был каким-то приглушённым, как будто мотор работал не под капотом, а где-то в подвале старого дома. Шины взвизгнули, разбрасывая пепел в стороны, и машина рванула вперёд, разрезая багровый туман.

Виктор вдавил педаль газа в пол, глядя только вперёд, на синие точки фар, которые сами собой вырисовывали контуры дороги. В зеркале заднего вида отразилась вывеска кафе «У Роуз». Буквы на ней медленно оплывали вниз горячими восковыми каплями, обнажая ржавый неон под ними — старую надпись, которая всегда там была, просто он отказывался её видеть. Надпись гласила: «Последняя остановка».

Машина мчалась по трассе, и Виктор чувствовал, как пепел вновь оседает на стекло, как дворники снова начинают свою бесконечную работу. Письмо лежало на пассажирском сиденье, и теперь его текст был чётким и окончательным: он состоял из одного слова, написанного её почерком, и это слово было не «прощаю» и не «приезжай».

Это слово было: «помни». Буквы проступили сквозь желтизну бумаги густой черной типографской краской, прожигая конверт насквозь. Правда ждала его впереди, но это больше не имело значения. Значение имело только то, что он забыл.

Виктор вытер кровь с губ — он не заметил, когда начал кашлять красным — и нажал на газ ещё сильнее. Впереди был Байкальск. Впереди была правда.

Глава 2. Дворники не справляются

Мотор «Лады Весты» ревел на пределе, глотая пепельную взвесь, и каждый такт поршней отдавался в груди Виктора глухим, болезненным эхом. Он вцепился в руль так, что побелели костяшки, кожа натянулась до полупрозрачности, под ней пульсировали синие вены — точно так же они проступали на шее Елены во время ночных приступов кашля. Педаль газа была выжата в пол до упора, но стрелка спидометра едва дополза до сорока, словно машина сопротивлялась движению, не хотела приближаться к Байкальску. Под колёсами была не грязь, не жидкая глина, как он помнил по прошлым поездкам, — это было густое месиво из размокшей целлюлозы, машинного масла и чего-то ещё, что хлюпало и чавкало при каждом обороте колёс, будто он ехал по гниющему телу.

Дворники метались по лобовому стеклу с сухим, надрывным скрежетом — резина давно износилась, но он не менял её с прошлого лета, когда ещё возил Елену на процедуры в областной центр. Тогда она сидела на этом же пассажирском сиденье, кутаясь в плед, и смеялась над его манерой ругаться на дворники. «Витя, ты же инженер, — говорила она, — починил бы уже». Он обещал. И не починил. Теперь резина скользила по плотной древесной пыли, оставляя на мутном пластике рваные дуги — белые, серые, иногда с кровавым отливом, когда пепел смешивался с каплями влаги из тумана. Видимость была нулевая. Мир за окном превратился в вибрирующий серый кокон, в котором не было ни верха, ни низа, только бесконечное мельтешение летящих навстречу хлопьев.

Фары выхватывали из темноты лишь короткие мгновения: обрывок столба с облупившейся краской, ржавый дорожный знак с простреленной буквой «Б», чей-то брошенный башмак, подошва которого начала расслаиваться от кислотной взвеси, превращаясь в лохмотья прессованной бумаги.Всё остальное тонуло в плотной, вязкой взвеси, которая оседала на стекле мгновенно, заставляя дворники работать без остановки. Они скрипели, взвизгивали,

иногда застревали на полсекунды, и тогда Виктор видел только серую стену перед собой — и сжимал руль до хруста в суставах.

— Давай, давай, девочка, — просипел он сквозь сжатые зубы, обращаясь к машине так, как когда-то обращался к Елене, уговаривая её потерпеть ещё немного во время очередного приступа боли. — Только не останавливайся.

Горло драло изнутри. Каждый вдох отдавался саднящей болью в носоглотке — бумажная пыль забивала ноздри, оседала на языке горькой известью хлорного отбеливателя, которым дезинфицируют бассейны и морги одновременно, смешивалась со слюной и превращалась в серую кашицу, которую он сглатывал с отвращением. Лёгкие ответили глухим протестом — пока ещё далёким ворчанием грозы, но он уже чувствовал первые тяжёлые капли тревоги, которые падали в его грудную клетку, расширяясь, занимая всё больше места. Настоящий приступ ещё не начался, но он приближался, и Виктор знал: когда он накроет, ему придётся выбирать между остановкой и удушьем.

Машину повело юзом. Правое переднее колесо провалилось в скрытую под слоем пепла колею — глубокую, размытую, словно здесь недавно прошёл тяжёлый грузовик, оставив вязкие борозды. Руль вырвался из рук, дёрнулся в сторону, и Виктор едва успел поймать его, выворачивая в противоположную сторону. Двигатель чихнул, захлебнувшись — карбюратор засосало мокрой пылью. «Веста» дернулась ещё раз и встала, осев на задний бампер так резко, что он ударился грудью о руль. Мотор захлебнулся кашлем, похожим на астматический свист, и заглох с протяжным металлическим стоном, который затихал постепенно, словно аппарат ИВЛ отключали от сети рубильником.

В наступившей тишине стал слышен только свист ветра снаружи и мерный, тяжёлый шорох — тонны бумажной трухи медленно, методично засыпали крышу седана, как снег, но не белый и пушистый, а серый, влажный, пахнущий хлоркой и гниющим картоном. Звук был гипнотическим — как песок в часах, которые отсчитывали время до того, как он будет погребён заживо.

Виктор ударил ладонью по рулю. Раз. Два. Боль прострелила запястье, отдалась в локтевой сустав, но он почти не почувствовал её — адреналин затопил всё, превратив тело в одну сплошную дрожащую мышцу. Он потянулся к ключу зажигания, повернул его — стартер щёлкнул сухо и замолк. Ещё раз — тот же сухой щелчок. Аккумулятор сдался, или свечи залило, или что-то более страшное, непоправимое произошло с двигателем. Он перестал быть машиной. Он стал частью этого мира.

Виктор замер, прислушиваясь. Сзади, пробиваясь сквозь войлочную стену тумана, пульсировал синий свет. Неритмично. Три вспышки. Пауза. Три вспышки. Пауза. Маячки патрульных машин. Но это не были обычные полицейские огни — они горели слишком ярко, слишком холодно, с оттенком фиолетового, который резал глаза даже сквозь пелену. И звук сирен ещё не начался, только мерцание, как предупреждение.

Он знал: они не гнались за ним от кафе. Они просто знали, куда он поедет. Город Байкальск уже начал перестраивать пространство вокруг него, сузил мир до одной этой разбитой грунтовки, превратил все остальные дороги в мёртвые петли, которые вели обратно или в никуда. Он был загнан — как зверь, которого пастухи гонят в загон. В загон по имени КПП.

Нужно было толкать. Другого выхода не было. Виктор рванул ручку двери — та поддалась с омерзительным влажным скрипом, словно петли проржавели до конца и держались только на честном слове. Он распахнул дверь, и пепельный поток хлынул в салон, заливая коврики серой кашей, оседая на сиденьях, на его куртке, на лице. Холод впился в щиколотки, обжигая кожу, как кислота низкой концентрации.

Он выбрался наружу. Ветер ударил в грудь с такой силой, что его отбросило назад, и он едва удержался, схватившись за кромку двери. Пепел летел горизонтально, врезаясь в лицо тысячами микроскопических игл. Пришлось упереться плечом в мокрый металл капота и при-

гнуться, чтобы сохранить равновесие. Ноги вязли по щиколотку в этой серой массе — она была холодной, влажной, и каждый шаг поднимал вверх облако едкой пыли, которая тут же набивалась в рот, царапала глаза, заставляла их слезиться. Слёзы смешивались с пеплом и стекали по щекам чёрными дорожками.

Он обошёл машину сзади. Бампер был почти скрыт под слоем осевшей массы — пришлось отгребать её руками, разгребать это влажное месиво, чтобы упереться в металл. Пальцы онемели от холода, но он не чувствовал этого — только тупую боль в мышцах спины, которая росла с каждым движением. Он упёрся ногами в пепельное дно, согнул колени и навалился всем весом на бампер.

— Ну! — вырвалось из груди хриплым, рваным криком.

Задние колёса провернулись вхолостую, разбрызгивая жижу в стороны, но машина даже не шевельнулась, словно вросла в эту бумажную топь, пустила корни. Он попробовал ещё раз — снова провернулись колёса, снова ни миллиметра движения. Пот градом катился по лицу, смешиваясь с грязью, и рубашка под курткой мгновенно промокла от влаги и пота, прилипла к телу.

Он остановился, переводя дыхание. В груди начинало саднить — тот самый звоночек, который предшествовал приступу. Он поднял голову и оглянулся через плечо. Синий свет приближался. Медленно, неотвратимо. Вспышки становились ярче, и теперь он различал очертания двух машин — высоких, с квадратными кабинами, каких никогда не было на вооружении дорожной полиции. Они напоминали ретро-фургоны из старых фильмов, но без окон, только глухие металлические борта.

Сирены включились. Звук был странным — высоким, вибрирующим, похожим на визг циркулярной пилы, вгрызающейся в сухую сосну. Он не нарастал, как у обычных машин, он просто появился, заполнил всё пространство, и Виктор почувствовал, как вибрация проходит сквозь его кости, заставляя зубы стучать друг о друга.

Он снова упёрся в бампер. Мышцы спины и ног горели огнём, каждый нерв просил пощады, но он продолжал давить, вкладывая в толчок последние остатки сил. Зубы ныли от напряжения, челюсть сводило судорогой. Металл под руками казался мягким, податливым, как плотный сырой картон — он продавливался под пальцами, оставляя вмятины.

— Давай, — прохрипел он, — давай, сука...

И в этот момент лёгкие снова стиснуло. На этот раз всерьёз. Спазм перехватил дыхание, выдавив из горла тихий сиплый хрип. Воздух перестал поступать — гортань сжалась, как кулак, и Виктор почувствовал, что тонет в собственном теле. Он пошатнулся, опершись рукой о крыло машины, согнулся пополам, пытаясь вдохнуть, но вдох не получался — только короткие, болезненные всхлипы.

Перед глазами поплыли тёмные пятна. Инъекция морфия, сделанная у кафе, заканчивала своё действие слишком быстро — организм выработал её за четверть часа, и теперь требовал новую дозу, а шприц остался лежать на пассажирском сиденье, в бардачке, внутри куртки, куда он сунул его в спешке. Он не мог вернуться. Если он вернётся, он не сможет выйти снова.

Он стоял на коленях в пепле, разрывая воротник куртки ногтями. Мир сужался до синей вспышки маячка патрульной машины, которая теперь совпадала по ритму с пульсом в его барабанных перепонках. В этой точке была Елена. В этой точке был тот вечер в больнице, когда он держал подушку. В этой точке была вся его вина, и она душила его сейчас физически, превращая каждый глоток воздуха в агонию.

Сирены выли уже совсем рядом, и синий свет заливал всё вокруг, делая пепел фиолетовым, а серый туман — густым, как кровь.

— Нет, — выдохнул он в воротник куртки, сжав зубы так, что хрустнула эмаль. — Не здесь. Ещё сто метров. Я дойду.

Он зажмурился, сосредоточившись на дыхании — вдох на четыре счёта, выдох на восемь. Елена учила его этому приёму, когда он сам начал задыхаться от стресса на работе. «Дыши животом, Витя, — говорила она, кладя его ладонь на свой плоский, горячий живот. — Нижняя диафрагма. Не грудью, а низом. Попробуй». Он попробовал. Медленно, мучительно, воздух начал просачиваться внутрь, тонкой струйкой, но всё же достаточной, чтобы остановить панику.

Он поднялся на ноги, шатаясь, и снова упёрся в бампер. Собрал все силы, всю злость, всю тоску, которая скопилась за два года скитаний, и толкнул. Раздался тошнотворный всхлип — что-то под колёсами лопнуло, сдалось. «Веста» качнулась. Ещё один рывок — и колёса нашли сцепление с твёрдым участком дна, слой пепла под ними оказался тоньше, и они ухватились за гравий. Машина медленно, мучительно поползла вперёд, выбираясь из засасывающей ловушки, и Виктор бежал рядом, толкая её, пока она не набрала инерцию.

Он упал на колени прямо в пепел, тяжело дыша открытым ртом, сжимая ладонями грудную клетку. Грудь ходила ходуном, воздуха всё ещё не хватало, но приступ отступал, уступая место тупой, ноющей боли в мышцах. Он поднял голову, стряхивая пепел с ресниц.

Впереди, метрах в пятидесяти, сквозь прореху в тумане проступили очертания ржавого навеса, за которым виднелся покосившийся дорожный знак с ограничением скорости — двадцать километров в час. И будка контрольно-пропускного пункта. Она была старой, советской постройки, с выбитым стеклом и облупившейся краской, но шлагбаум перед ней был опущен — целый, не тронутый ржавчиной.

КПП Байкальска.

Прожектор на вышке был мёртв — лампа разбита, а сам корпус покрыт слоем пепла толщиной в палец. Но рядом с бетонными блоками, перегораживающими дорогу, стоял человек. Неподвижно. Без оружия, без формы — просто в длинном пальто, с поднятым воротником, и он смотрел на приближающуюся машину сквозь пелену пыли. Силуэт казался плоским, вырезанным из старой газеты, словно его нарисовали тушью на сером картоне.

Виктор поднялся, шатаясь, и побрёл к машине. Дверь была открыта, двигатель работал на холостых — он не помнил, когда завёл её, но она урчала ровно, как будто никогда не глохла. Он упал на водительское сиденье, сжимая руль мокрыми, дрожащими руками.

Синие огни в зеркале заднего вида остановились. Они не приближались дальше. Они ждали.

Виктор стёр с лица липкую грязь тыльной стороной ладони и нажал на газ. Машина покатилась вперёд, медленно, неуверенно, как старуха с больными ногами. Шлагбаум казался намертво приржавевшим, но когда капот "Весты" пересек невидимую черту, металл издал звук рвущейся плотной бумаги и осыпался вниз серым прахом.

Человек в пальто не шевельнулся. Он просто стоял, и Виктор, проезжая мимо, увидел его лицо — гладкое, глянцевое, как лицевая сторона свежего газетного листа. Вместо глаз, носа и рта был напечатан только один заголовок аршинными буквами: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ.

Машина въехала в город, и за её кормой шлагбаум опустился снова — бесшумно, неотвратимо.

Глава 3. Зона отчуждения души

«Веста» проползла последние метры, и двигатель заглох сам — не захлебнувшись, а будто кто-то выдернул шнур аппарата ИВЛ из розетки. Машина замерла, уткнувшись бампером в первый противотанковый ёж. Ржавая сталь, сваренная из рельсов, покрылась слоем пепла, но её очертания были чёткими, злыми, как оскал старого волка. Резина колёс прошуршала по бетону, и этот звук затих, растворился в ватной тишине. Наступила абсолютная, невесомая тишина — даже ветер снаружи будто выключили, и воздух перестал двигаться, превратившись в застывшее желе.

Виктор сидел в салоне, вцепившись в руль так, что пальцы онемели. Он боялся сделать лишний вдох. Концентрация пыли здесь, внутри периметра, была чудовищной — она висела в воздухе плотной, непроницаемой стеной, оседая на лобовом стекле миллионами мельчайших белых точек. Лучи фар теперь не освещали путь — они просто упирались в серую мглу, создавая иллюзию движения внутри плотно забитого пылью аквариума, где нет ни дна, ни стен, только бесконечное взвешенное вещество.

Он перевёл взгляд на КПП. Будка охраны была старой, ещё советской постройки, с облупившейся голубой краской и выбитым стеклом в правом окне. Над входом висела табличка с надписью «Контрольно-пропускной пункт № 7» — буквы выцвели до бледно-серого, но были ещё читаемы. Рядом с будкой стоял человек. Вернее, фигура, которая казалась человеком на расстоянии. Серая форма бывшего охранника ЧОПа обвисла на пластиковом каркасе, как мокрая тряпка на вешалке. Лицо было выцвело до желтизны старых газетных полей — той самой бумаги, которой в советское время заворачивали продукты в гастрономах. Вместо глаз — два ровных отверстия, пробитых пальцем, словно кто-то ткнул в сырой гипс. Из левого уха тянулся спутанный провод тангенты рации, который заканчивался ничем — просто болтался в воздухе, как оборванный нерв.

Виктор помнил этот КПП. Он проезжал здесь два года назад, когда уезжал из Байкальска в последний раз. Тогда здесь были живые люди — уставшие, равнодушные мужики в таких же серых формах, которые мельком глянули на его документы и махнули рукой: «Проезжай, не задерживай». Тогда он был счастлив уехать. Тогда он даже не обернулся. Сейчас же КПП выглядел как декорация к фильму ужасов — все детали на месте, но жизнь ушла, оставив только каркас.

На столе сторожки лежала старая советская рация «Лен». Чёрный пластик корпуса пошёл трещинами, как старая кожа, из динамика торчал провод с оголённым концом. Красная лампочка приёма мигала в такт его пульсу, но звук был другим — сухим щелканьем реле, похожим на треск ломающейся бересты или пергамента. Она жила своей жизнью, эта рация, хотя батарейки в ней должны были сесть ещё год назад.

Виктор знал, что открывать дверь нельзя. Контакт внешней среды с кожей сейчас вызовет немедленный отёк гортани — он чувствовал это по тому, как покалывало лицо даже сквозь закрытые окна. Воздух здесь был не просто загрязнён — он был активен, агрессивен, он искал каждый незащищённый участок кожи, чтобы проникнуть внутрь, осесть в лёгких и начать свою работу по превращению живого человека в часть этого бумажного мира. Но сидеть вечно тоже не вариант. Сирены стихли, патрульные машины остались там, в грязи, переваренные стыдом и пеплом. Здесь действовали другие правила.

Виктор отстегнул ремень. Металлический язычок клацнул оглушительно громко — звук разорвал тишину, как выстрел в пустом соборе, заставив его вздрогнуть. Он протянул руку и щёлкнул тумблером переговорного устройства на приборной панели. Старый динамик, встроенный в машину ещё на заводе, затрещал статикой — знакомый, успокаивающий белый шум, который он слышал тысячи раз в прошлой жизни, когда просто ездил по делам, не думая о смерти.

— Пропуск, — прохрипел Виктор сам себе. Голос сел окончательно — связки не слушались, выдавали только сухой, ломкий шелест, похожий на шуршание бумаги. Он попытался прокашляться, но в горле было сухо, как в пустыне.

Рация на столе вспыхнула ярче. Зеленоватый индикатор замигал быстрее, часто-часто, как сердце кролика в клетке. Из динамика вырвался чистый, лишённый помех звук. Это не был голос диспетчера или шипение пустого эфира. Микрофон транслировал тяжёлое, астматическое дыхание — свистящий, протяжный вдох, за которым следовал хлюпающий, булькающий выдох, как будто воздух проходил через слой жидкой грязи.

Это было дыхание Елены. Он узнал бы его среди тысячи других. Третий этаж городской больницы, ночь, аппарат ИВЛ работает на износ, пытаясь продавить кислород через её распадающиеся альвеолы. Запах озона от старой аппаратуры смешивался с запахом формалина и мокрого картона, которым санитарки заклеивали щели в окнах палаты. Он стоял в дверях палаты, держась за косяк, и смотрел, как её грудь поднимается и опускается в этом неестественном, механическом ритме. Она не спала. Её глаза были открыты, но они ничего не видели — только белый потолок, только бесконечный ряд плит, которые она считала минутами до конца.

— Я боюсь зайти, — сказал Виктор в пустоту салона. Слова вышли сухими, ломкими, как осенние листья. — Слышишь? Мне страшно.

Он произнёс это вслух впервые с того дня, как застегнул молнию на её ночном халате и вышел из палаты, оставив тело на койке. Тогда он не признался себе в страхе. Он убедил себя, что это милосердие, что это любовь, что он делает это ради неё. Но сейчас, в этой машине, правда перестала быть теорией. Она стала физическим весом рук, лежащих на руле. Он убил её не ради неё. Он убил её, потому что ему было страшно смотреть, как человек исчезает по частям, а он ничем не может помочь, кроме как нажать на подушку. Он боялся. Он всегда боялся — боялся её боли, её агонии, её взгляда, в котором не было обвинения, только усталость. И он убил её, чтобы не смотреть на этот взгляд больше.

Дыхание в динамике прервалось. На секунду воцарилась звенящая пауза — такая, что он слышал собственный пульс в ушах. А затем послышался сухой механический щелчок реле, который эхом прокатился по пустой сторожке.

За окном что-то изменилось. Шум падения пепла прекратился — не сразу, а постепенно, как затихающий дождь. Виктор повернул голову, прижимаясь лицом к холодному стеклу.

Стальные ворота со звездой ЦБК — той самой, которую он видел на каждом заводском здании в детстве — медленно, дюйм за дюймом, разъезжались в стороны. Они двигались без видимого мотора, без скрежета, но звук всё же был — низкий, гулкий, резонирующий с болью в его собственных рёбрах. Металл стонал, как живое существо, просыпающееся после долгого сна. В щели между створками показался свет — сначала тусклый, потом ярче, наливаясь белизной.

Прожекторы вышки вспыхнули мертвенно-белым светом, залив зону отчуждения хирургическим сиянием. Тени исчезли — их просто не стало, всё вокруг стало плоским, двухмерным, как чёрно-белая фотография, где нет полутонов. Виктор зажмурился от боли в глазах, но когда открыл их, увидел нечто, от чего сердце пропустило удар.

Путь внутрь был открыт. Дорога за шлагбаумом больше не была покрыта пеплом. Там лежал идеальный, нетронутый гипсовый порошок. Слишком белый для ноября, слишком чистый для Байкальска. Это была молотая целлюлоза высшего сорта, спрессованная городским мороком до состояния снега. Он был чистым, девственно чистым, как будто его только что выпало, и ни одна нога, ни одно колесо не ступали на него.

Виктор знал, что это иллюзия. Снег в Байкальске не выпадает уже три года — только пепел и древесная пыль. Но здесь, внутри искажения, правила физики не работали. Город создавал мир, который должен был соблазнить его, заманить внутрь, показать прекрасное лицо, чтобы потом ударить в спину.

Он перевёл дух. Горло всё ещё саднило, но приступ отступил. Он потянулся к ключу зажигания, повернул его. Мотор завёлся с пол-оборота — ровно, уверенно, как будто и не глох. Машина мягко тронулась, перекатилась через бетонный порог и въехала на снежное покрытие. Колёса не вязли — они шуршали по снегу легко, почти невесомо.

В зеркало заднего вида Виктор увидел, как ворота за ним медленно сходятся, закрывая проход. Шлагбаум опустился. Манекен у будки остался стоять неподвижно, уставившись пустыми глазницами ему в спину. И в последний момент, когда щель между створками почти

сомкнулась, он услышал голос — тот же самый, из рации, но теперь он шёл отовсюду, от самого воздуха, от снега под колёсами, от неба над головой.

— Добро пожаловать домой, Витя. Голос Елены. Но это была запись их последнего разговора у койки. Тот самый тембр, которым она прошептала "Прощаю", только прокрученный задом наперед и пропущенный через статику пустой рации.

Виктор нажал на газ. Машина понеслась по белой дороге, и снег за окнами мелькал белой пеленой, скрывая очертания города. Но он знал — первые монстры уже ждут его впереди. В квартире, которую он когда-то называл домом.

Глава 4. Белая слепота

Замок поддался со второго оборота — ровно столько щелчков издавал аппарат ИВЛ перед тем, как сбросить давление. Старый механизм, привыкший к ключу с характерной зазубриной на бородке, нехотя принял дубликат — он скрипнул, проворачиваясь, как больной сустав, и внутри двери что-то глухо щёлкнуло, освобождая язычок. Виктор толкнул дверь ладонью, и она распахнулась внутрь беззвучно — петли были смазаны совсем недавно, масло ещё не успело высохнуть. Он шагнул через порог и замер, потому что воздух, который ударил в лицо, был чужим.

Квартира пахла озоном, старым клеем и пылью. Но пыли не было видно — она была заперта под слоями белоснежной бумаги, которая покрывала всё: каждый предмет, каждую поверхность, каждую щель. Вся мебель — продавленный диван, на котором они смотрели старые фильмы по ночам, журнальный столик с выщербленной ножкой, стеллажи из «Икеи», которые он собирал сам, ругаясь на плохие инструкции, — была обернута в плотную упаковочную бумагу. Идеально белую, глянцевую, похожую на вощеную кальку из анатомического атласа или упаковку для стерильных хирургических инструментов. Глянцевая поверхность отражала тусклый свет подъездной лампы, превращая гостиную в стерильную лабораторию или, ещё хуже, в морг для вещей — где каждая вещь лежала в своём саване, ожидая, когда её вынесут.

На кресле у окна лежал идеальный белый куб — кресло, в котором Елена любила сидеть с книгой, поджав ноги. На телевизоре — прямоугольный саркофаг, который скрывал экран, превратив его в монолит. Даже люстра под потолком была замотана, и свет от подъездной лампы проникал сквозь бумагу, рассеиваясь, создавая мягкое, мёртвое сияние. Воздух казался густым от запаха целлюлозы — сладковатого, приторного, напоминающего запах новых книг и одновременно гниющей листвы.

Виктор сделал осторожный шаг вперёд. Под ногами хрустнуло — он опустил взгляд и увидел, что паркет у входа засыпан мелкой белой крошкой, похожей на растёртый мел или высохшую известь. Ступать дальше означало оставлять следы на этой пугающей чистоте, нарушать идеальный порядок, который кто-то (или что-то) так тщательно установил здесь за время его отсутствия.

— Елена? — голос прозвучал глухо, вязко, как будто его глотка была набита ватой. Эхо тут же завязло в бумажных складках, не долетев до дальней стены.

Тишина ответила шелестом. Это двигались не стены — он не видел движения, но чувствовал: сама геометрия комнаты медленно сжималась, подтягиваясь к нему, как удав к жертве. Коридор сузился ровно настолько, чтобы он не мог пронести сквозь него гроб — плечи уперлись в бумажные стены, которые начали медленно пружинить, выталкивая его обратно к выходу. Потолок визуально опустился сантиметров на десять, нависая тяжелым ватным одеялом, от которого хотелось пригнуться, сжаться в комок.

Он знал, зачем сюда пришёл. Его скрытая цель здесь — найти ключи от гаража. Без них он не мог двигаться дальше по маршруту, который был написан в его собственных записках, сделанных на выезде из города — он помнил каждое слово, хотя не помнил, когда и зачем их написал. Память услужливо подбросила картинку: тяжёлая латунная связка всегда висела на крючке у зеркала в прихожей, рядом с вешалкой, на которой Елена вешала своё любимое пальто. Он

подошёл к стене, где должно было быть зеркало, но вместо него увидел белый прямоугольник — плотно заклеенный широкими полосами скотча. Ни единой щели, ни малейшего просвета. Бумага была натянута идеально, как кожа на барабане, и поверх неё кто-то вывел чёрным маркером дату: 12 августа 2003. Ровный, почти каллиграфический почерк Елены. Их свадьба. А рядом, кривым детским почерком самого Виктора, было приписано карандашом: "Я просто хочу, чтобы ты перестала мучиться"

Он провёл пальцем по бумаге. Под скотчем она была влажной — холодной и скользкой, как медицинская клеёнка, на которой в операционных лежат пациенты. Он попытался просто сорвать верхний слой, но пластик только растянулся, издавая мерзкий, тягучий визг рвущегося полиэтилена, и вернулся на место, как живой. Чтобы добраться до крючка с ключами, нужно было содрать всё покрытие целиком. Разрушить иллюзию идеального брака, в которую он упаковал эту комнату перед побегом, когда заклеил зеркало, чтобы не видеть своё собственное отражение.

Виктор зацепил ногтем край ленты у дверного косяка и рванул вниз, вкладывая в это движение всю свою злость.

Треск скотча ударил по барабанным перепонкам сухим кашлем Архивариуса, и облако пыли взвилось не серым, а густо-желтым, цвета застарелого гноя. Бумага пошла неровными полосами, оголяя стену, и вместе с ней в воздух взметнулось облако едкой древесной пыли, которая до этого была заперта внутри упаковки. Виктор инстинктивно задержал дыхание, но несколько частиц всё же проскользнули в носоглотку, оседая на слизистой, и лёгкие ответили мгновенным спазмом — он согнулся пополам, уперевшись ладонью в стену, чтобы не рухнуть лицом в бумажный саван комода. Перед глазами поплыли красные круги, как будто он смотрел на мир сквозь залитое кровью стекло. Первый этаж пройден, а красная зона кашля уже дышит в затылок.

Когда приступ отступил, оставив во рту вкус мокрого картона и железа, Виктора затрясло. Не от холода и не от нехватки кислорода — от того, что открылось под бумагой.

Обои в мелкий цветочек, которые они клеили вместе в первую неделю после свадьбы, стоя на табуретках и смеясь над кривыми стыками, выглядели гнилыми. Рисунок пошёл тёмными пятнами сырости, как лишайник. В углу возле плинтуса пузырился старый линолеум, вздувшись большими влажными волдырями. Иллюзия чистоты требовала жертв: пока квартира была завернута в упаковку, она оставалась мертвым музеем, застывшим во времени. Как только упаковка начала сползать, наружу полезла настоящая труха их совместной жизни — все те трещины, ссоры, недосказанности и усталость, которые он так старательно прятал под слоем бумаги, когда уезжал.

Он добрался до зеркала. Сорвал последние лохмотья бумаги, игнорируя, как острые края скотча режут пальцы, оставляя тонкие красные полосы. И замер.

На него смотрел чужой человек. Лицо серое от бумажной взвеси, прорезанное глубокими тенями под глазами, губы потрескались до крови. Он выглядел старше своих сорока пяти на десять лет. Но это было не самое страшное. Самое страшное было за его собственным плечом — в мутном, пыльном стекле отражалась Она.

Елена сидела в кресле. То самое кресло, которое сейчас стояло нетронутым белым кубом в центре комнаты. В зеркале оно было развёрнуто к окну, и она сидела в нём — живая, настоящая, с той самой улыбкой, которая появлялась у неё только во сне, когда она забывала о боли. Волосы убраны в небрежный пучок, на коленях раскрытая книга — та самая, которую она перечитывала десять раз, потому что её собственный мир рушился, а в книжном всё было правильно.

— Ты даже пыль боишься тронуть, Витя, — сказала она голосом, лишённым интонаций, похожим на речь диктора из старого телевизора. Голос звучал не сзади — он вибрировал прямо в ушных костях Виктора, отдаваясь в зубах. — Тебе неудобно смотреть на старость. На болезнь.

На меня настоящую. Поэтому ты завернул всё в целлофан. Чтобы не видеть, как я умираю. Чтобы не видеть, как ты сам умираешь внутри.

Виктор ударил кулаком по стеклу. Боль взорвалась в разбитых костяшках — острая, реальная, она привела его в чувство. Отражение пошло трещинами, как паутина, расползаясь от центра, но фигура в кресле осталась неподвижной, даже не пошевелилась. Улыбка не исчезла. Она смотрела на него сквозь трещины, и в её глазах, которые были пустыми, как у куклы, он увидел правду.

Рядом с ней, на журнальном столике, который в реальности был замотан в идеальный белый куб, блеснула сталь. Ключи. Тяжёлая латунная связка с брелоком-символом Байкальского ЦБК — маленькой моделью варочного котла, которую Елена подарила ему на день рождения, когда он ещё работал на комбинате. Она тогда сказала: «Ты и есть этот котёл, Витя. Вечно варишь что-то внутри себя». Он тогда не понял. Теперь понимал слишком хорошо.

Но между ним и креслом стоял письменный стол. Тот самый, за которым он ночами просматривал чертежи, делая вид, что ищет деньги на экспериментальное лечение в Германии, пока на самом деле гуглил клиники эвтаназии в Швейцарии. Столешница была покрыта слоем бумаги толщиной в палец — она была утрамбована, спрессована в твёрдый монолит, и на её поверхности лежали стопки его собственных записей, аккуратно сложенных, но недоступных.

Он схватил стул — тот самый, на котором сидел ночами, вглядываясь в монитор — и обрушил его на столешницу. Ножки ударили по бумажной преграде с глухим стуком, но она не поддалась. Он ударил снова, с третьего раза, вкладывая всю силу плеч, и дерево проломило фальшивую преграду с сухим треском, как ломаются сухие ветки. Хлынула теплая, вязкая жижа, пахнущая концентрированной болью — смесью аммиака от её катетера, сладковатого тлена некроза и машинного масла, которым он смазывал петли гаражной двери, прячась там от её стонов. Бумага мгновенно размокла, превращаясь в кашицу, и он запустил руку в это тёплое месиво, игнорируя тошноту, которая подкатывала к горлу. Пальцы нащупали холодный металл. Есть. Он сжал ключи в кулаке и выдернул их из вязкой массы, чувствуя, как жидкость стекает по запястью, оставляя липкие следы.

В ту же секунду лампочка в подъезде мигнула и перегорела — не резко, а с долгим, затухающим вздохом, как будто её жизни хватило ровно на этот момент. Квартира погрузилась в полумрак, освещаемый только мертвенным, голубоватым светом уличного фонаря, который пробивался сквозь не зашторенное окно. Тени стали длинными, искажёнными, и они двигались — не от света, а сами по себе, как живые.

Бумажные покровы вокруг пришли в движение. Они больше не были пассивным мусором, который просто лежал на мебели. Рулоны упаковочной бумаги начали разворачиваться сами собой, извиваясь в воздухе, как гигантские белые змеи, которые искали жертву. Край листа обрел жесткость хирургического скальпеля из нержавеющей стали. Он полоснул по кадыку, но вместо крови выступила капля желтоватой бумажной кашицы. Он едва успел отшатнуться, чувствуя, как пластик царапает кадык, оставляя тонкую, болезненную царапину на коже.

Это была не атака монстра в обычном смысле. Это работала механика совести города — комната пыталась запечатать себя обратно, стереть следы его вторжения, перемолов нарушителя в чистый исходный материал, как перемалывают старую макулатуру. Бумага тянулась к нему со всех сторон, обволакивая воздух, заставляя его задыхаться.

Виктор рванулся к выходу, прижимая ключи к груди, сжимая их так, что латунные зубья впились в ладонь до крови. Белые полотнища падали со стен, отрезая путь к коридору. Одно из них накрыло разбитое зеркало, полностью скрыв отражение Елены, но её голос всё ещё звучал в его голове — не словами, а ощущением, тягучим, как патока: «Ты не уйдёшь, пока не признаешь, что это было не из любви. Это было из слабости».

Он выскочил на площадку, плечом выбив дверь, которая чудом не успела захлопнуться сама. Ледяной воздух подъезда обжёг лёгкие, но он был живым — настоящим, не упакованным в бумагу. Позади, в квартире, раздался звук работающего промышленного пресса — тяжёлый, механический хруст, с которым комната утрамбовывала саму себя, стирая память о том, что он вообще там был. Потом щёлкнул замок — дверь закрылась, и из-под неё вытекла тонкая струйка белой пыли.

Виктор скатился по лестнице, перепрыгивая через ступени, не чувствуя боли в ногах. В кармане лежали ключи, тяжёлые и холодные. Он знал, куда идти дальше. Гараж там ждал Сборщик. Монстр, собранный из автодеталей, ржавых гаек и той самой промасленной ветоши, которой он вытирал руки, делая вид, что чинит машину, пока Елена звала его из спальни. Там ждал его Гнев на собственное бессилие.

Глава 5. Шуршание

Выход из подъезда оказался заблокирован. Виктор спустился на первый этаж, чувствуя, как каждая ступенька отдаётся тупой болью в икрах, и упёрся ладонью в массивную железную дверь, которая всегда открывалась простым нажатием. Теперь она не поддалась — даже не дрогнула, словно вросла в бетонную коробку намертво, став частью стены. Он дёрнул ручку, и та отвалилась, рассыпавшись в пальцах бурой бумажной массой, похожей на перепревший картон. Остатки металла осели на полу серой пылью, и Виктор понял: пути назад нет.

Он обернулся. Лестничная клетка пятого этажа, по которой он только что спускался, теперь заканчивалась тупиком — выросла глухая стена из сырых обоев с тем самым мелким цветочным рисунком, который он видел под бумагой внизу, но теперь бутоны цветов раздулись до размера кулаков и пульсировали. Они были уложены внахлёст, как черепица, и двигались — пульсировали в такт далёкому, глухому сердцебиению, которое доносилось откуда-то из-под земли. Это работал комбинат. Или сам город. Или его собственная совесть, принявшая форму этих колышущихся страниц.

Оставалось только вверх. Люк на чердак, который он раньше никогда не открывал, теперь зиял чёрной дырой прямо над его головой, приоткрытый ровно настолько, чтобы он мог дотянуться до скоб-ступенек. Амбарный замок, который всегда висел на люке, валялся на полу рядом — сломанный, с перекушенной дужкой, будто его перегрызли зубами. Скобы были покрыты липким налётом, пахнущим типографской краской и старым клеем, и каждый раз, когда Виктор хватался за них, пальцы соскальзывали, оставляя на металле влажные следы.

Подъём дался тяжело. Он подтягивался на руках, пытаясь не смотреть вниз, где лестничная клетка растворялась в серой мгле, становясь всё глубже и глубже. Каждый вдох на высоте отдавался режущей болью под рёбрами — лёгкие сжимались, отказываясь принимать этот тягучий, влажный воздух, который пах плесенью и старыми документами. Красная зона индикатора «Бумажных лёгких» пульсировала где-то в основании черепа, напоминая, что следующая астматическая атака может стать последней, если он не найдёт морфий. Но морфия не было. Он оставил шприц в машине.

Он выполз на пыльные перекрытия и замер, пытаясь унять дрожь в ногах. Доски под ним прогнулись, издав протяжный, жалобный скрип, похожий на стон старого человека. Виктор перевернулся на спину, глядя вверх, где вместо потолка простиралась бесконечная чёрная пустота, усеянная редкими точками света, похожими на далёкие звёзды. Но это не были звёзды. Это были маленькие отверстия в шифере, через которые просачивался уличный свет, превращая чердак в подобие планетария, где вместо созвездий висели гирлянды пыли.

Чердак дышал. Виктор слышал это не ушами — он чувствовал кожей: воздух медленно втягивался и выдыхался, как будто всё это огромное пространство было живым организмом. Здесь не было идеальной упаковки, как в квартире внизу. Здесь царил хаос накопленной памяти — вещи лежали грудами, без системы, без порядка, просто сброшенные сюда за десятилетия. Повсюду стояли картонные коробки с надписями, выведенными чёрным маркером:

«ЕЛЕНА / ЗИМНИЕ», «ЕЛЕНА / КНИГИ», «ЕЛЕНА / ДОКУМЕНТЫ», «ЕЛЕНА / ФОТОГРАФИИ». Между ними тянулись гирлянды старой одежды, висящей на бельевых верёвках, натянутых между балками, — платья, рубашки, пальто, которые колыхались от сквозняка, создавая причудливые тени.

Шелест стоял такой плотный, что казалось, будто весь чердак заполнен миллионами насекомых. Это двигалась не одежда — это двигалась сама бумага. Газеты, журналы, письма, черновики — всё это лежало слоями, и каждый слой издавал свой звук: сухой, влажный, шуршащий, шепчущий, зовущий. Виктор зажал уши ладонями, но звук проходил сквозь кости, вибрируя прямо в черепе.

— Ты здесь, — прошептал он, сам не зная, к кому обращается. — Я знаю, что ты здесь.

Из-за стопки коробок вышла фигура. Она двигалась беззвучно, хотя её ноги должны были хрустеть по деревянному полу. Это был «Архивариус» — существо, замотанное в сырые, пожелтевшие полосы газет так плотно, что невозможно было угадать человеческое телосложение. Газеты были намотаны слоями, как бинты на мумии, и сквозь них проступали тёмные пятна — то ли типографская краска, то ли кровь. Вместо лица у него был экран старого ЭЛТ-телевизора со скругленными краями, покрытый густой сеткой помех, сквозь которую иногда проступал белый шум — лицо Елены, искаженное цифровыми артефактами. Создание передвигалось плавно, перетекая с места на место, и его обмотки шелестели, издавая тот самый звук, который заполнял весь чердак.

За ним появился второй. И третий. Они выходили из-за коробок, из-под балок, из самого воздуха — материализовались из бумажной пыли, которая висела в воздухе. Они не нападали. Они окружали Виктора полукругом, медленно сужая кольцо, оттесняя его к дальнему концу чердака, где в стене виднелось слуховое окно. Их движения были синхронными, как у стаи, и каждый их шаг сопровождался лёгким хлопком — бумажные складки расправлялись и снова сжимались.

Один из Архивариусов — тот, что шёл в центре, — протянул конечность, похожую на сгусток влажных промокашек, и коснулся коробки с надписью «ЕЛЕНА / ПИСЬМА». Картон тут же пропитался тёмной влагой, как от пролитой чернильной жидкости, и размяк, превращаясь в кашицу. Архивариус вскрыл коробку одним движением — просто разорвал её, как бумажный пакет, — и наружу вырвался запах сухих цветов и нафталина, тот самый запах, которым пахли письма Елены, когда он впервые получил их после её смерти.

Существо достало из коробки конверт — старый, жёлтый, с её почерком. Оно развернуло листок, держа его перед своим экраном-лицом, и по статике побежали строки, чёткие, чёрные, как будто их напечатали на машинке. Буквы наливались черной типографской краской, стекали вниз каплями смолы и впитывались прямо в барабанную перепонку, минуя слуховой канал.

«Витя, ноги сегодня совсем отказали. Врач говорит, это компрессионный перелом позвонков из-за метастазов. Я не чувствую их — ни боли, ни тепла, только пустоту. Ты даже не представляешь, как страшно просыпаться и не чувствовать свои ноги. Будто они отрезаны, но всё ещё со мной. Я лежу и смотрю на них, такие же, как всегда, но они меня не слушаются. Это как быть запертой в собственном теле. Ты когда-нибудь чувствовал себя запертым, Витя? Наверное, да. Ты ведь всегда был в своей голове, даже когда сидел рядом. Я видела это по твоим глазам. Ты смотрел на меня, но думал о чём-то другом. О работе. О деньгах. О том, как сбежать. Я не злюсь. Я просто хочу, чтобы ты знал: я всё видела».

Голос Елены возник в голове Виктора сухим, ломким шёпотом, и он не мог его остановить. Архивариусы читали не его мысли — они транслировали содержимое коробок напрямую в его слуховые нервы, минуя любой фильтр. Его заставляли слушать хронику распада любимого человека, страницу за страницей, конверт за конвертом. Каждое письмо было свидетель-

ством, каждый абзац — обвинением. Он зажмурился, пытаясь заткнуть уши, но голос шёл изнутри, он звучал в его собственном черепе, как радиопомехи.

— Хватит, — прохрипел Виктор, сжимая кулаки. — Хватит! Я это уже слышал!

Но Архивариус не остановился. Второй подошёл к другой коробке — «ЕЛЕНА / ДНЕВНИКИ» — и извлёк потрёпанную тетрадь в клетку. Экран на его лице засветился новым текстом, и голос Елены сменился — стал жёстче, острее.

«Витя ушёл в гараж сегодня. Сказал, что надо закончить чертёж. Я знаю, что он не хочет смотреть на меня, когда я задыхаюсь. Я слышала, как он плакал за дверью вчера ночью. Он думал, я сплю. Я не спала. Я слушала, как он давится слезами, и мне хотелось умереть, чтобы он перестал плакать. Чтобы он мог жить дальше без этого груза. Но я не могу сказать ему это прямо. Если я скажу, он подумает, что я сдаюсь. А я должна держаться. Ради него. Ради хотя бы одной минуты, когда он войдёт и улыбнётся, и я увижу, что он всё ещё меня любит».

Виктор отступил на шаг, ударившись спиной о холодный шифер слухового окна. Пути назад не было — Архивариусы замкнули кольцо, и теперь расстояние между ними и ним сокращалось с каждым вдохом. Они не касались его, но их шуршание давило на барабанные перепонки, превращаясь в физическую боль, которая проходила сквозь череп, как сверло.

Монстры придвинулись ближе. Их бумажные складки терлись друг о друга, издавая тот самый звук, который он слышал в кафе, когда трое в плащах вошли через дверь. Третий Архивариус подошёл к коробке с надписью «ЕЛЕНА / ПОСЛЕДНЕЕ» — она стояла отдельно, перевязанная бечёвкой, и он не вскрывал её, просто положил на неё руку, и голос в голове Виктора изменился, стал тише, почти нежным.

«Витя, если ты читаешь это — значит, меня уже нет. Ты дал мне этот покой. Спасибо тебе. Но если ты вернёшься в Байкальск, знай: город заберет у тебя всё остальное, прежде чем отпустит. Он заставит тебя пройти через всё заново. Не потому- что он злой. Просто он хочет забрать ту часть твоей души, которая умерла вместе со мной. Я попросила, запомни. Я не хотела умирать в муках, я хотела умереть в покое. Ты дал мне этот покой. Спасибо тебе. Но если ты вернёшься в Байкальск, знай: город не прощает. Он заставит тебя пройти через всё заново. Не потому- что он злой. Просто он хочет, чтобы ты понял. Прощай. Твоя Елена».

Виктор зажмурился, закрывая голову руками. Инстинкт кричал бежать, но тело парализовало — не страхом, а стыдом, который вдруг стал физическим, превратившись в бетонную плиту, придавившую его к полу. Он убил её, чтобы прекратить эти записи. А теперь бумага мстила ему, заставляя читать дневник её мучений вечно, перебирая страницы одну за другой, как чётки.

Сквозь шум дождя из газетной трухи — он слышал, как бумага сыпется с балок, оседая на его плечи, — пробился другой звук. Тонкий, металлический, почти неразличимый. Свист ветра в узкой щели.

Слуховое окно. Оно было приоткрыто. Щель шириной в ладонь, забитая грязью и старыми птичьими перьями, пропускала струю ледяного воздуха, который пах свободой — чистым, не затхлым, не бумажным. Он почувствовал этот запах, и в нём проснулась искра.

Он упал на колени, игнорируя скрипящую боль в лёгких, и пополз по строительному мусору — по кускам шифера, ржавым гвоздям, обломкам досок — навстречу сквозняку. Архивариусы не пытались его остановить, но их шуршание стало громче, агрессивнее, теперь оно звучало как голос судьи, зачитывающего приговор: «Ты обещал, что больно не будет. Почему ты смотришь в сторону, когда я прошу воды? Почему ты не держишь меня за руку, когда мне страшно?»

Пальцы Виктора нащупали ржавый шпингалет. Он дернул его, вкладывая всю оставшуюся силу, и старый механизм сдался с протяжным скрипом. Краска осыпалась порошком

прямо в лицо, попадая в глаза, заставляя их слезиться, но он не остановился. Он дёрнул ещё раз — створка окна поддалась, распахнувшись наружу с таким усилием, что чуть не отлетела с петель.

Темнота. Свобода. Двускатная крыша пятиэтажки уходила вниз под опасным углом, покрытая мокрым шифером, который блестел в свете редких фонарей. До земли — пять этажей бетона. А позади раздался влажный, тягучий хлопок — один из Архивариусов лопнул, превратившись в облако типографской краски, чёрной и липкой, которая осела на полу, как нефтяное пятно. Пространство чердака начало схлопываться — потолок стремительно опускался, прессуя воздух, сжимая стены, толкая его к окну.

Не раздумывая, Виктор перекинул ноги через подоконник. Шифер покрылся тонким слоем влажной целлюлозной пыли. Подошвы скользили по ней, как по размокшей туалетной бумаге, теряя сцепление с каждым сантиметром спуска. Он упал на живот, вцепившись руками в край крыши, обдирая ладони о гравийную посыпку, чувствуя, как битое стекло, вросшее в смолу, впивается в кожу через тонкую ткань куртки. Каждый сантиметр пути вниз по скату был мучительным — тело скользило, ноги искали опору, но находили только скользкую поверхность.

Он остановился у самого края, где крыша обрывалась в пустоту. Внизу — тёмный колодец двора, заваленный мусором и бетонными обломками. Напротив, метрах в трёх, возвышалась такая же пятиэтажка, но её крыша была ниже — всего на полметра, но этого хватило бы, чтобы разбиться при падении. На балконе соседнего дома, прямо напротив, виднелись аккуратные штабели картонных листов — сложенных ровно, как будто кто-то приготовил их специально для него. Перекидной мост. Единственный шанс.

Виктор встал на четвереньки, потом на ноги, балансируя на самом краю. Ветер бил в спину, толкая вперёд. Сзади чердак схлопнулся окончательно — он услышал, как захлопнулось окно, за которым остались Архивариусы, превратившиеся в груду мокрой бумаги.

Он разбежался. Три шага по наклонному, живому шиферу, который вибрировал под ногами, как барабанная перепонка. Сердце пропустило удар — на мгновение он повис в воздухе, чувствуя, как время замедляется, как мир вокруг становится серым и невесомым. А потом его подошвы ударились о картонные листы на балконе. Они прогнулись, заскрипели, затрещали, но выдержали — ноги ушли по колено в коричневую труху, которая вспенилась вокруг, как снег. Балконное остекление вылетело наружу от удара, осыпая его дождём стеклянной крошки вперемешку с обрезками старых обоев, которые закружились в воздухе, как конфетти на похоронах.

Он ввалился на чужой балкон, сбивая головой сохнущее на верёвке детское бельё — крошечные распашонки и ползунки, которые тут же стали влажными и серыми от пепла. Он упал на четвереньки, глотая ртом ледяной воздух, чувствуя, как кровь из прокушенной губы смешивается с бумажной пылью на языке, оставляя горьковатый привкус железа и типографской краски.

Шуршание осталось позади, на крыше, оно стихало, растворяясь в ветре. Город пытался закрыть проход, но опоздал — Виктор вырвался из ловушки, хотя понимал: это только начало. Бумажные монстры не исчезли, они просто перегруппировались.

Он поднял голову, стряхивая стеклянную крошку с волос. Прямо перед ним, сквозь открытую балконную дверь спальни, виднелась ещё одна дверь — тяжёлая, обитая чёрным дерматином, с массивной ручкой. Та самая, которую он видел в своих записях. Запертая снаружи. Гараж. Выход номер два, который вёл его дальше по маршруту вины.

Он направился к этой двери. Ручка обожгла пальцы холодом металла. За ней ждал Сборщик — монстр, собранный из автозапчастей, ржавых цепей ГРМ и промасленной ветоши, которой он вытирал руки, прячась в гараже во время её криков. Там ждал его Гнев. И впервые за два года Виктор почувствовал, что рад этому.

Глава 6. Геометрия вины

Балконная дверь вела в чужую спальню. Детскую. Виктор переступил порог, и первое, что ударило в нос, был запах прокисшего детского питания и разогретого на солнце пластика — смесь абсолютной жизни и её дешевой имитации, но вещи всё ещё помнят их прикосновения. Обои с выцветшими динозаврами покрылись пятнами сырости, их зелёные и жёлтые хвосты расплылись в серые разводы, как старые акварельные рисунки, которые забыли высушить. Кровать-машинка с облупившейся красной краской стояла у стены, её колёса были повёрнуты в одну сторону, будто она всё ещё пыталась куда-то ехать. Шкаф с криво наклеенными переводными картинками — динозавры, космические корабли, смешные рожицы — зиял открытой дверцей, и оттуда свисала рукав детской куртки, маленький, с резинкой на манжете.

Семья покинула этот дом задолго до экологической катастрофы — Виктор знал это по слою пепла, который покрывал все игрушки ровным, нетронутым слоем, без единого отпечатка маленьких рук. Плюшевый заяц лежал на полу, уткнувшись носом в линолеум, его стеклянные глаза смотрели в стену. Солдатики были разбросаны по всему полу, как будто их смели со стола одним жестом, и никто не вернулся, чтобы собрать их. Виктор прошёл через комнату, стараясь не наступать на них — не потому, что боялся сломать, а потому что казалось, что каждый шаг по этим игрушкам был шагом по чьей-то потерянной жизни. Он перешагивал через пластмассовых человечков, через кубики с выцветшими буквами, через обрывки раскрашенных картинок, и в этом хаосе чувствовал себя чужим, но одновременно и своим — человеком, который тоже оставил после себя пустоту.

Дверь в коридор оказалась открыта. Лампочка в патроне, свисающая с потолка на скрученных проводах, раскачивалась от сквозняка, бросая на стены длинные, искажённые тени — то удлиняя их до потолка, то сжимая до размера карликовых фигурок. Коридор был узким, с выцветшим ковром на полу, который когда-то был зелёным, а теперь стал серым, как всё в этом городе. Стены были увешаны фотографиями в дешёвых рамках — улыбающиеся лица, которые смотрели на него с разных лет, но их глаза были пусты, как у мертвецов, и Виктор отвёл взгляд, чтобы не видеть их.

Коридор вёл прямо к лифтовому холлу. Кабина стояла на этаже, двери приглашающе разъехались, открывая жёлтое нутро, залитое тёплым, уютным светом, который контрастировал с холодным серым миром снаружи. Внутри горела лампа, и свет казался живым — он манил обещанием тепла и легкого спуска вниз, к спасительной «Ладе», которая ждала его где-то у подъезда. Виктор сделал шаг вперёд, уже готовый войти в кабину, закрыть двери и просто уехать, забыв обо всём, что здесь произошло.

Но подошва его ботинка приклеилась к полу. Он посмотрел вниз и увидел, что линолеум в холле вспучился, превратившись в сплошной лист плотного, волглого картона, который на вид был точно таким же, как обычная плитка, но на ощупь — грубым, шершавым, покрытым мелкой пылью. Текстура повторяла рисунок плитки до мельчайших деталей, но это была макулатура — переработанная бумага, спрессованная в материал, который имитировал реальность, но не был ею.

Лифт звякнул. Лампочка вспыхнула ультрафиолетом хирургического блока, высвечивая пылинки, похожие на бактерии в чашке Петри. Из кабины потянуло запахом формалина, смешанного с озоном от работающих дефибрилляторов. Виктор узнал этот запах — он витал в палате Елены в последние дни, когда аппараты работали на износ, а она лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

Двери начали закрываться. Медленно, сантиметр за сантиметром, они сдвигались, открывая взгляду внутренности шахты. Там не было тросов и противовеса, привычных для обычного лифта. Вместо этого шахта уходила вертикально вниз, в непроглядную темноту, и оттуда поднимался густой, вязкий пар, пахнущий переваренной древесиной — той смесью, которая на целлюлозно-бумажных комбинатах превращает щепу в жидкую массу. Механизм

совести предлагал ему самый простой путь — войти в эту кабину, закрыть глаза и дать городу переработать себя в чистую целлюлозу, стереть память о том, что он когда-то был живым человеком.

Виктор отдернул ногу, освобождаясь от клейкого пола, и сделал шаг назад. Ребра сжало новым спазмом — лёгкие снова начали протестовать, напоминая, что кашлять в замкнутом пространстве лифтовой шахты — самоубийство, потому что эхо разорвёт бронхи изнутри. Он вжал голову в плечи, сдерживая рвущийся наружу хрип, и попятился обратно в детскую, чувствуя, как двери лифта за его спиной сомкнулись с мягким, но неумолимым щелчком.

Единственный оставшийся маршрут лежал через крышу. Он знал это, хотя не видел карты — город сам подсказывал ему путь, перекрывая одни двери и открывая другие. Он вышел из квартиры через запасной выход на лестничную клетку, которая была завалена старыми газетами, и поднялся на последний этаж, где ржавая металлическая лестница вела к люку на крышу.

Он вышел на свежий воздух, и первый же вдох обжёг горло — не бумагой, а настоящим ледяным ветром, который дул со стороны озера, неся с собой запах воды и мёрзлой земли. Но это было обманом: ветер был реальным, но воздух всё ещё был пропитан пеплом, который кружился в свете редких уличных фонарей, оседая на лице и одежде. Железобетонная плита под ногами ощутимо вибрировала — не от ветра, а от чего-то глубинного, что билось в центре земли, как гигантское сердце. Виктор подошёл к краю крыши. Соседний дом стоял вплотную, но расстояние между кровлями составляло метра полтора — раньше он перешагнул бы эту пропасть, даже не заметив, просто перепрыгнул бы, как делал это сотни раз в детстве, когда они с друзьями гоняли по крышам гаражей. Теперь же пространство играло против него. Город Байкальск начал менять геометрию.

Он почувствовал это сначала ногами — лёгкий наклон, почти незаметный, но он заставил его сместить центр тяжести, чтобы удержаться на месте. Здание, на котором он стоял, медленно кренилось вправо. Угол кровли увеличивался незаметно для глаза, но вестибулярный аппарат сходил с ума — уровень горизонта в глазницах сместился так, словно земля стала жидкой, а гравитация решила проверить прочность его костей. Пепел, покрывавший рубероид, заструился вниз серыми ручьями, обнажая голый, скользкий битум, который блестел в темноте, как кожа змеи. Виктор поскользнулся, едва удержав равновесие, и схватился за выступающую трубу вентиляции, которая тут же заскрипела под его весом, грозя оторваться от основания.

Навстречу ему, с крыши соседней пятиэтажки, выдвинулся широкий фанерный щит — старый, потемневший от времени, с облупившейся краской. Мост. Но он не лежал горизонтально. Он торчал перпендикулярно стене, словно трамплин, наклонённый под углом сорок пять градусов вверх. Город блокировал пути отступления, заставляя идти только туда, куда вела его вина — вниз, в закрытые пространства, где воздух был плотнее, а монстры — ближе.

Чтобы попасть на этот щит, нужно было сначала соскользнуть по собственной крыше до самого края, повиснув над четырёхэтажным колодцем двора. Внизу не было асфальта — там была чёрная дыра, уходящая в бесконечность, и оттуда поднимался тот же пар, что и из лифтовой шахты, пахнущий варёной древесиной и формалином.

— Давай, — выдохнул Виктор, обращаясь то ли к себе, то ли к дому, который медленно толкал его к пропасти. — Попробуй убить меня падением. Это честнее, чем заставлять меня слушать её голос в рации.

Он сел на корточки, а затем лёг на живот, цепляясь пальцами за выступы бетонных плит, за швы между блоками, за всё, что могло дать опору. Битум под ним был покрыт тонкой плёнкой льда, смешанной с пеплом, и ботинки скользили, как по намыленному стеклу. Виктор полз вниз, используя вес собственного тела, стараясь не смотреть по сторонам. Он глядел только на серый квадрат неба над собой, где иногда проносились облака, но даже они казались плоскими, нарисованными на картоне. Вниз смотреть было нельзя — голова кружилась так, что вестибу-

лярный аппарат отключался, посылая в мозг сигналы неминуемой гибели, и он чувствовал, как желудок поднимается к горлу.

Металлический водосток, в который он упёрся плечом, обжёг пальцы холодом. Край крыши был уже рядом — он видел, как штукатурка обрывается, как обнажается арматура, ржавая и острая, как иглы. Пустота под ногами. Четыре этажа чёрной пустоты, в которой танцевали искры пепла.

Виктор качнулся маятником, примеряясь к расстоянию. Фанерный щит казался ненадёжной игрушкой — он дребезжал на своих креплениях, как лист жести на ветру, но другого пути не было. Он собрался в пружину, сжав все мышцы, и толкнулся ногами от водостока, отпуская край крыши.

Полет длился долю секунды, но он успел увидеть, как мир перевернулся: небо оказалось внизу, а земля — наверху, и он летел прямо в эту перевёрнутую реальность, не зная, где приземлится. Удар о дерево выбил остатки воздуха из его груди, и он услышал, как собственные рёбра хрустнули, хотя кости, кажется, уцелели. Щит затрещал, крепления протестующе заскрипели, и Виктор вцепился в край доски, чувствуя, как занозы входят глубоко под ногти, как горячая боль разливается по пальцам. Он подтянулся, переваливаясь на твёрдую поверхность, и несколько секунд просто лежал, слушая, как кровь шумит в ушах, как сердце колотится о рёбра, пытаясь вырваться наружу.

Геометрия мира выровнялась. Дома перестали крениться, щит застыл в горизонтальном положении, пепельный ветер стих, сменившись абсолютным штилем — таким тихим, что он слышал собственное дыхание, тяжёлое и прерывистое, как у загнанного зверя.

Он встал на колени, опираясь на ладони, и поднял голову. Впереди, всего в паре метров, находился люк, ведущий на чердак следующего здания. Массивное железо, прикрученное к бетонному кольцу болтами, с проушиной для замка, который был сбит. Спасительный вход в следующую главу маршрута — в гараж, который ждал его внизу, в подвале этого дома. Он поднялся на ноги, пошатываясь, и сделал шаг вперёд. Второй шаг.

Под подошвой громко, издевательски хрупнуло — не как дерево, а как старая кость, которая ломается с влажным, чавкающим звуком. Виктор замер, глядя вниз. Фанерный щит, переброшенный через пропасть, состоял не из дерева. Это был спрессованный в доску архив медицинских карт — тысячи листов, утрамбованных под прессом, склеенных между собой временем и влагой. Это была макулатура районной поликлиники. Он летел сквозь рентгеновские снимки чужих переломов, МРТ-снимки опухолей и кардиограммы остановившихся сердец. Каждый лист хрустел под ним, как сломанная кость.

Раздался звук рвущегося пергамента, усиленный стократно, будто вскрывали грудную клетку без наркоза. Теплая влажная труха посыпалась ему за шиворот, пахнущая гнилью и старым бинтом. Трещина прошла по центру, и Виктор почувствовал, как его правая нога проваливается в рыхлую массу, как листы медицинских карт разлетаются в стороны, обнажая пустоту под ними. Он потерял равновесие и полетел спиной вперёд, увлекаемый обломками моста, которые сыпались за ним, как бумажный дождь.

Он врезался в собственную крышу — ту самую, с которой только что сполз, — проехался по битуму, гася инерцию, и завис на самом краю, вцепившись руками в выступ бетона. Пальцы судорожно искали хоть какую-то зацепку, но руки хватали лишь пустоту и летящий пепел, который осыпался на лицо, забивая глаза. Носки ботинок барабанили по воздуху над двором, и он чувствовал, как сила тяжести тянет его вниз, в ту самую чёрную дыру, где кипел бумажный ад.

В отчаянии он изогнулся, пытаясь зацепиться ногами за что-то, и увидел: ниже, на уровне третьего этажа, из открытого окна заброшенной кухни торчала труба старой газовой колонки — ржавая, но прочная, вмурованная в стену. До неё было около метра, дистанция прыжка для

спортсмена, но для астматика с красными лёгкими, у которого каждый вдох отдаётся болью, она была недосягаемой.

Но он должен был попытаться. Другого выхода не было — если он отпустит край крыши, он упадёт в эту бесконечную шахту, и город переработает его в целлюлозу, как перерабатывает всё живое. Виктор извернулся, перенося вес на грудь, вдавил рёбра в бетон и подтянул тело на руках. Мышцы спины и плеч горели огнём, сухожилия трещали, но он нашёл точку опоры для носка, зацепился за выступ штукатурки и перекатился на безопасную зону, прочь от обрыва.

Он лежал на крыше, тяжело дыша, чувствуя, как сердце пытается выпрыгнуть из груди. Перед глазами плыли тёмные пятна, и он знал: ещё один приступ — и он не сможет подняться. Но приступ не пришёл. Вместо него пришло странное спокойствие, похожее на то, которое бывает после сильного испуга, когда тело понимает, что опасность миновала.

Люк на чердак был в десяти шагах от него. Целый. Невредимый. Железная крышка с ручкой, чуть приподнятая, словно кто-то уже открывал её недавно. Но прежде чем сделать этот шаг, он посмотрел на разрушенный мост — на обломки доски-макулатуры, которые дымились бумажной трухой. Из расщепленных листов сыпались пожелтевшие справки о нетрудоспособности, старые диагнозы, выписки из больниц. Среди них, придавленная куском рубероида, лежала глянцевая фотография — старый снимок, выцветший на углах, с потёртостями, как будто его много раз перекладывали из рук в руки.

Виктор подполз к ней, протянул руку и перевернул. Пальцы, разбитые об водосток и кровлю, дрожали, когда он переворачивал снимок. На глянце остались мазки свежей крови, перечеркнувшие её лицо красным крестом. На него смотрела Елена. Выпускной класс, она стоит на фоне школьной доски в белом фартуке, с огромным бантом в волосах. Совсем девчонка — лет семнадцать, не больше. Улыбается так, как никогда не улыбалась рядом с ним в последние месяцы: открыто, беззаботно, по-настоящему. В её глазах нет боли, нет страха, нет той усталости, которая появилась позже, когда болезнь начала своё дело.

Он провёл пальцем по её лицу на фотографии, чувствуя, как чёрная типографская краска пачкает кожу. В горле застрял комок, и он сглотнул его, как глотают горькую таблетку, чтобы не закричать. Сунул фотографию во внутренний карман куртки, рядом с письмом, которое изменило свою надпись снова — теперь там было просто «Прощай», написанное её почерком. Он поднялся на ноги, пошатываясь, и двинулся к люку, чувствуя, как карман с фотографией греет его грудь, хотя бумага была холодной.

Люк поддался легко, со скрипом, который расколол тишину крыши. Оттуда пахло мазутом и старым железом. Гараж. Он был близко. Виктор спустился вниз, в темноту, и железная крышка захлопнулась за ним, отрезая мир снаружи.

Глава 7. Замок снаружи

Люк поддался не сразу. Виктор упёрся ладонями в холодное железо, толкнул его вверх, но крышка даже не дрогнула — она была приварена к раме ржавчиной, которая затянула швы, как старая корка. Он толкнул ещё раз, вложив весь вес, и петли, изъеденные рыжей оспиной коррозии, застонали так громко, что звук ударил по ушам, как удар молотка по наковальне. Виктор инстинктивно вжал голову в плечи, ожидая нового приступа кашля — лёгкие сжались в предчувствии спазма, но на этот раз они приняли порцию холодного чердачного воздуха на удивление спокойно, будто адреналин и бумажная пыль временно заключили перемирие. Он выдохнул, чувствуя, как грудь расширяется без боли, и толкнул люк в третий раз.

Крышка поддалась с протяжным визгом, который расколол тишину чердака, и откинулась в сторону, открывая проход вниз. Оттуда пахнуло резиной, застарелым бензином и тем специфическим запахом нежилого железа, который бывает только в кооперативных гаражах поздней осенью, когда машины уже загнаны на зимовку, а воздух становится влажным и тягучим. Виктор замер на мгновение, всматриваясь в темноту, но ничего не разглядел — только чёрный прямоугольник, уходящий вниз, и сварная лестница, прикрученная к стене.

Он спустился по перекладинам, ступая осторожно, проверяя каждую ногой, прежде чем перенести вес. Металл под ботинками вибрировал, издавая глухой, резонирующий звук, который многократно усиливал эхо. Когда его ноги коснулись бетонного пола, он остановился, давая глазам привыкнуть к полумраку. Свет с чердака просачивался через открытый люк, рисуя узкий серый луч, который падал на цемент, высвечивая мельчайшие частицы пепла, танцующие в воздухе.

Виктор оказался в длинном ряду боксов — капитальном ряду «Пенал», крашеном синей краской в два слоя, которая когда-то была яркой, а теперь потускнела до цвета больничного халата. Справа возвышалась ржавая стена соседнего гаража с намалёванным белой краской номером 114 — цифры были кривыми, нанесёнными от руки, и казались детским рисунком. Слева — глухая бетонная плита, покрытая сеткой трещин, в которых застряла серая пыль. Его собственный бокс был третьим от края. Номер 116. Тёмно-зелёный металл, некогда гордый, а теперь покрытый мелкими волдырями вздувшейся краски, которая отслаивалась целыми кусками, обнажая под собой бурую ржавчину.

Он подошёл к двери, и сердце забилось чаще. Эта дверь была его убежищем в те дни, когда он не мог смотреть на Елену — когда её хрип, её беспомощность, её просящий взгляд становились невыносимыми. Он запирался здесь с чертежами, делая вид, что работает над проектом, который мог бы спасти её, но на самом деле просто прятался, чтобы не слышать, как она задыхается. Он помнил, как в последний раз закрывал эту дверь, уезжая из Байкальска. Он запер её на нижний засов, хотя знал, что больше не вернётся. И вот теперь он стоял перед ней, и она не поддавалась.

Дверь была закрыта. Это само по себе было странно — он никогда не запирал нижний замок изнутри, уходя через чердак. Нижний засов из стального уголка намертво вошёл в пазы рамы, въевшись в металл, будто его приварили. Но настоящим препятствием стал верхний замок. Навесной. Тяжёлый амбарный монстр, закрытый на ключ. Ключей у Виктора не было. Связка осталась лежать на кресле в квартире-отрицании, в той самой комнате, где стены дышали бумагой и голос Елены звучал из зеркала. Или она потерялась во время падения с крыши, когда он перекатывался по битуму, цепляясь за выступы. Он не помнил. Но ключей не было.

Он дернул дужку замка рукой. Бесполезно. Металл даже не дрогнул. Он схватился обеими руками, упёрся ногой в металлическое ребро двери, навалился всем весом, но замок держался мёртвой хваткой. Он попробовал выбить его плечом, как делал с дверью в кафе, но удар отозвался лишь тупой болью в ключице. Дверь стояла на месте, как скала.

— Ну давай же, — прошептал он, чувствуя, как отчаяние начинает подниматься из груди, как чёрный дым. — Ты всегда открывалась с полпинка.

Город снова играл честно: выход есть, дверь открыта ровно настолько, чтобы впустить внутрь, но путь назад отрезан стальной скобой. Виктор опустил руки, переводя дыхание. Пальцы ныли, на подушечках остались красные полосы от острых граней замка. Он присмотрелся к механизму внимательнее. Что-то было не так. Скоба висела в петлях, но корпус самого механизма... оплывал. Дужка казалась металлической, но стенки цилиндра покрывала влажная, глянцевая текстура, которая блестела в тусклом свете, как мокрая кожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.